

**Бессмертный полк
Назовём поимённо...
СОЛДАТ СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА.**

Будников Иван Васильевич (1924 – 2016)

Ордена: Красной Звезды (1947), Отечественной войны I степени (1985)

Медали: «За отвагу» (1943), «За боевые заслуги» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945),
«За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945).

1941–1942 гг. – курсант Куйбышевского военно-пехотного училища (г. Куйбышев).

1943 г. – командир стрелкового взвода 189-го стрелкового полка 61 стр. дивизии (Юго- Западный фронт).

1943–1944 гг. – на излечении в госпитале (города Сызрань, Серноводск). **Инвалид ВОВ.**

В фондах Ленинского мемориала хранятся материалы участников Великой Отечественной войны. Каждый участник войны – герой. Об этом говорят документы, фотографии, различные свидетельства о фронтовой деятельности участников грозных событий. Воспоминания фронтовиков о сражениях являются ценнейшими свидетельствами подвигов тех, кто защищал страну, свою семью в те суровые и очень тяжелые годы. Настоящему поколению очень трудно представить, как же это можно было пережить. Но эти люди победили!

В материалах судьи Ульяновского областного суда в отставке, участника Великой Отечественной войны Будникова Ивана Васильевича хранятся воспоминания, написанные им в феврале 2004 г.

«Пережитые муки и страдания».

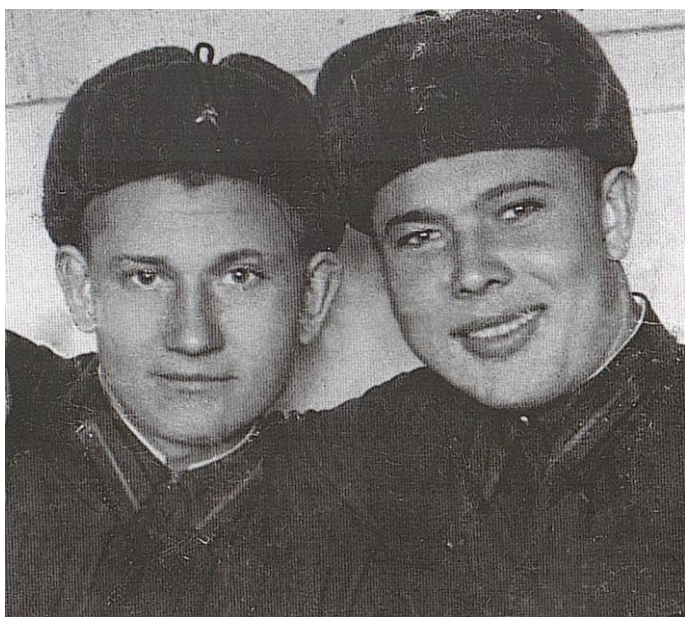
«На моё поколение выпало столько мук и страданий, что даже спустя десятилетия нам самим не верится, как могли люди всё это перенести и выжить.

Неурожаи в Поволжье продолжались до 1937 г. В этот год был собран небывалый урожай в колхозах и на приусадебных участках. С этого года жизнь в стране резко улучшилась. Крестьяне в достатке кормили не только себя, но и городское население.

Однако длилось это недолго. Начавшаяся война с фашистской Германией вновь ввергла человечество в муки и страдания. Подавляющая часть мужского населения была призвана на фронт. Их заменили женщины и подростки, которые и хлеб выращивали, и у станков стояли, производя оружие для фронта. Трудились по 12–16 часов полуголодными. Вся страна жила под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!». И это длилось почти четыре года.

В июле 1942 года после окончания школы я был призван в ряды Советской армии и направлен на учёбу в Куйбышевское военно-пехотное училище.

Было трудно не только на фронте, но и тылу. Лично я это ощутил, когда учился в училище. Казармы, в которых мы проживали в зимнее время, не отапливались, холодной и горячей воды не было. Зимой при температуре минус 40–45 градусов, мы в кирзовых сапогах с портянками на босую ногу по команде ложились в снег и слушали «лекции» командира взвода или роты. Ноги и руки теряли чувствительность. Многие получали сильные обморожения. К вечеру опять строем и с песней возвращались в холодные казармы. Когда кончались дрова для кухни, всё училище в выходной день отправляли в лес, где рубили деревья, распиливая их на двухметровые плахи, каждый курсант брал по такой плахе и нёс в училище. Питание было очень скудным. Когда приходилось дежурить на кухне, то удавалось утолить голод кусочком сырой свёклы или испечённой картошкой.

Попав на фронт после училища, облегчения не наступило.

189 гвардейский стрелковый полк Пятой Армии Юго-Западного фронта, где я был командиром автоматного взвода, находился в обороне на реке Средний Донец. Бои были жестокие. Шёл август 1943 г. Наша линия обороны проходила по левому берегу реки в лесистой местности, а немцы занимали оборону на правом очень крутом, без единого деревца берегу около села Михайловка.

«Обрабатывая» передний край артиллерией и бомбёжками, немцы пытались захватить плацдарм на нашем берегу. Но расположенный на самом сгибе реки ДЗОТ, врытый в землю и укрытый тремя накатами брёвен с двумя амбразурами и двумя пулемётами, не давал противнику возможности даже приблизиться к воде. Немцы решили уничтожить этот ДЗОТ и обрушили на него шквал огня: били из пушек, миномётов, даже сбросили несколько бомб с самолёта. Вокруг ДЗОТА всё было взрыто, горела трава и кусты. Когда обстрел прекратился, немцы на лодках и плотах стали переправляться на наш берег. Я был командиром взвода. Весь личный состав взвода был выведен в район переправы немцев, так как считали, что пулемётчики погибли. Но вдруг мы услышали пулемётные выстрелы. Бой длился недолго. Лишь нескольким немцам удалось спастись. Когда мы откопали вход в ДЗОТ, то увидели своих героев – пулемётчиков: узбека Каримова, украинца Федю Редько, и ещё двоих русских, фамилии которых я уже не помню. Они были грязные, с их лица тек пот, внутри ДЗОТА были груды земли и песка. Но ребята были весёлые, улыбались нам. Мы были горды за них. За этот подвиг пулемётчики были награждены медалью «За отвагу».

Наконец наши войска, сломив сопротивление, пошли в наступление. Оно было стремительным. За сутки, преследуя врага, приходилось в полном боевом снаряжении проходить по 40–60 км. В основном это были переходы ночью, когда немцы пытались оторваться от преследования. С наступлением рассвета, после длительного перехода, вновь жестокие бои. Иногда доходило до рукопашных схваток. Теперь даже не верится, откуда же у русского воина брались силы?..

Совершенно неожиданно моя фронтовая жизнь прервалась. После того, как наш полк овладел г. Славянск, немецкое командование стало экстренно отводить свои войска на железнодорожную станцию Барвенково, чтобы вывезти военную технику и живую силу глубже в свой тыл. Задача нашего командования: не дать уйти и уничтожить отступавших немцев. В уличных боях в селе Былбасовка я был контужен и тяжело ранен. Меня подобрала солдата моего взвода Каримов и Редько. Когда они переносили меня в рядом расположенный дом, раздалась пулемётная очередь. Обоих солдат ранило в ноги, а две пули через доски входной двери попали мне в область позвоночника и там застряли. От тяжёлой контузии длительное время я был без сознания. Меня доставили в эвакогоспиталь г. Россошь.

Тяжело раненых отправляли в глубокий тыл. Меня поместили в санитарный поезд, следовавший в г. Новосибирск. Умерших по пути следования, выносили на станциях, где передавали их местным властям для захоронений, а так называемых «безнадёжных» выгружали в местах, где были военные госпитали. Я был снят с поезда на станции Сызрань Куйбышевской области. Этот город расположен в 70 км от Радищева, откуда я был призван в армию, и где в то время проживали моя мать, брат и сестра.

Моё состояние было действительно тяжёлым: ноги и руки парализовало. Я не мог не только повернуться с одного бока на другой, но даже, пользоваться ложкой –

более четырёх месяцев меня кормили санитары. В сызранском госпитале меня вдруг опознала санитарка тётя Маша. Когда я учился в Радищевской средней школе, она работала там уборщицей и всех нас хорошо знала. Но поначалу я не признался: сказал, что из Сибири, а она – де- обозналась. Её же сообщение, что моей матери прислали на меня «похоронку», заставляло меня упорнее скрывать своё существование. Я был ужасен – человеческий скелет, обтянутый кожей. Надежды на выздоровление я не видел, а потому не хотелось, чтобы моя мать и родные хоронили меня второй раз. Но тётя Маша была настойчивой. Через лечащего врача по истории болезни она убедилась в своей правоте и сообщила об этом моей матери. Ничего этого я не знал и не предвидел. И вот однажды, после врачебного обхода, в палату вошёл мой брат Михаил. Моя койка стояла около входной двери. Брат прошёл мимо меня, обошёл все койки, меня не узнал и вышел. Вместе с братом приехала и мать, которая находилась в коридоре. Когда брат вышел из палаты и сообщил матери и стоявшей вместе с ней тётя Маше о том, что в палате он меня не нашёл, она взяла его за руку, ввела в палату и указала на меня. Брат сел на стул возле моей койки и стал внимательно всматриваться в моё лицо. Это длилось недолго. Он узнал меня и сообщил стоявшей за дверью матери. Они заплакали. Я этих слёз надежды не выдержал и признался, объяснив причину такого упорного моего молчания. И только тогда, когда я уже вернулся домой, стало очевидным, что, если бы тётя Маша не «разоблачила» меня, я бы не выжил. Действительно я был сильно истощён и обессилен. Мой лечащий врач, невропатолог Розенберг Даниил Ильич, до войны работавший заведующим неврологическим отделением Кремлёвской больницы, посоветовал моим родным изыскать хорошего вина и давать мне по одной чайной ложке перед едой. Более трёх недель тётя Маша угощала меня Кагором, принесённым моей матерью. Это лечение мне очень помогло. Я не только съедал всю предназначенную мне для больных еду, но и дополнительно ел разные продукты, в том числе молоко, овощи, фрукты, принесённые моими родными. Появилась надежда на выздоровление. Медленно, но уверенно стали восстанавливаться функции рук. Я самостоятельно мог держать в руках хлеб и ложку. Постепенно восстанавливались функции правой ноги. С помощью костылей я вначале передвигался по палате, а затем стал ходить в туалетную комнату. Функции левой ноги не восстанавливались. В начале января 1944 г. меня направили для продолжения лечения в эвакогоспиталь г. Серноводска Пензенской области. Там меня в течение двух месяцев лечили сероводородными ваннами и грязевыми процедурами. За это время у меня восстановились функции рук и правой ноги. Левая нога продолжала при ходьбе просто волочиться. Таким меня и комиссовали.

Вспоминая пережитое не только мною, но и миллионами других, теперь, спустя десятилетия, действительно никак нельзя найти правильный ответ: откуда у этих людей брались силы, чтобы выжить.

Вместе с тем в моей жизни на фронте была и везучесть. Например, был случай, когда на поясном ремне у меня разорвалась граната «РГД-43», но я не пострадал. В другой раз в непосредственной близости от меня упала мина. Я остолбенел, в голове мелькнула мысль, что сейчас меня разорвёт на кусочки. Прошло несколько секунд, но взрыва не было. Тогда я отступил назад и укрылся за деревом. Взрыва так и не последовало. Когда же сапёры осмотрели мину, то вместо взрывателя в ней оказался свёрток бумаги с надписью: «В помощь русским».

А вот однажды ночью я зашёл в ячейку снайпера и попросил его разрешить мне из его винтовки выстрелить в ячейку немецкого снайпера. Оказывается, они охотились друг на друга. Наш снайпер сказал, что из другой ячейки произведёт выстрел из моего пистолета, на этот выстрел немец произведёт ответный. На огонёк его выстрела должен выстрелить я. Прицел винтовки был установлен точно на ячейку немца. Когда наш снайпер уходил, то надел на меня свою каску, так как у меня своей каски в тот момент не было. Когда я в нужный момент произвёл выстрел, то в ту же секунду получил сильнейший удар, похожий на удар кувалдой, по голове. Этот удар был от снайперской пули немца в мою каску. На каске появилась вмятина, а в голове страшный гул. Не будь на голове каски, смерть была бы неминуемой. Были и другие опасные для жизни случаи, которые оканчивались благополучным исходом. До сих пор я считаю это не иначе как везением.

Наше молодое поколение должно хорошо знать какие невзгоды и страдания пережили отцы, деды и прадеды ради их благополучия и счастья».

Из наградного листа. 1943 г.

«Младший лейтенант Будников в боях за освобождение советской Украины от гитлеровских захватчиков проявил себя стойким и храбрым офицером. В боевых действиях за населённый пункт Былбасовка в нужный момент взял на себя командование и, увлекая за собой бойцов, под сильным артогнём противника преодолел водный рубеж и первым ворвался в траншеи противника, вступил в рукопашный поединок. За доблесть и мужество, проявленные в этом бою, награждён медалью «За отвагу».

После увольнения из армии и в послевоенные годы Иван Васильевич Будников посвятил свою жизнь системе правосудия. В 1945 г. окончил курсы при Куйбышевской юридической школе, а потом заочное отделение Куйбышевской юридической школы (1949). Служил помощником прокурора, следователем прокуратуры, народным судьёй, председателем районного суда в районах Ульяновской области.

В 1955 г. окончил Всесоюзный заочный юридический институт.

В 1966–1978 – народный судья Ульяновского областного суда.

Награждён медалью судебного департамента при Верховном суде РФ «За безупречную службу» (2010).

Уважаемый Иван Васильевич !

Коллектив Ульяновского областного суда и Совет судей сердечно поздравляют Вас с 75- летним юбилеем!

Ваша плодотворная деятельность, долгий и нелегкий труд в судебных органах являются ярким примером честного служения закону и справедливости.

Вы пользуетесь искренним уважением судей области, которые знают Вас как прекрасного специалиста, чуткого, доброго и внимательного товарища.

В этот день от всей души желаем Вам крепчайшего здоровья, большого личного счастья, благополучия, воплощения в жизнь всех надежд и желаний.

Председатель Ульяновского
областного суда -

П.П.Герков

Председатель Совета судей
Ульяновской области -

В.В.Ямщиков

23 августа 1999 года
г.Ульяновск

Вечная слава героям!

Материал подготовлен В.А. Гороховой –
старшим научным сотрудником отдела фондов.